

Отношение М.К. Петрова к философии Гегеля на фоне переоценки бакунизма

Макаренко В.П.,

д. филос. и полит. н., профессор,
главный научный сотрудник,
заслуженный деятель науки РФ,

Институт философии и социально-политических наук
Южный федеральный университет

urpmakar1985@gmail.com

Аннотация: Рассматриваются три статьи М.К. Петрова, посвященные анализу философии Гегеля. Предлагается очерк проблематики на фоне описания новейших трендов в оценке жизни, личности и идей М.А. Бакунина. Границы наследия Бакунина приобретают актуальность в разное время. В эпоху перестройки в СССР особенно значимой была его критика марксизма, а сегодня — критика парламентской демократии, либерального лицемерия и патриотической мифологии. В России на протяжении XIX–XX вв. были последовательно дискредитированы самодержавие, государственный социализм и либеральная «утопия», обернувшаяся на деле разорением, голодом, нищетой, грабежом, распадом общественных связей, превращением страны в международную экологическую свалку, культом конкуренции и потребления. Значит, время Бакунина уже наступило. В том числе и потому, что в рамках современной теории дара разработан концепт анархической стабильности, обладающий значительным эвристическим потенциалом. Эта перспектива создает новую почву для оценки взглядов М.К. Петрова.

Ключевые слова: Михаил Константинович Петров, отношение к философии Гегеля, новые тренды в интерпретации жизни, идеи и деятельности Михаила Александровича Бакунина

В 1970-е гг. М.К. Петров написал три статьи, посвященные анализу философии Г.В.Ф. Гегеля [16; 17; 18]. Ни одна из них при его жизни не опубликована. До сих пор этот аспект наследства Петрова изучен слабо. Цель статьи — предложить очерк возникающей проблематики на фоне новейших трендов в оценке жизни, личности и идей М.А. Бакунина.

Общий вывод из данных статей Петрова звучит так: *любые варианты гегельянства создают проблему фетишизма*. При согласии с этим выводом философию Гегеля следует считать объектом, на котором можно учиться последовательной критике любых форм фетишизма — от товарно-денежного до политического. Такая оценка философии Гегеля Петровым связана с отношением Петрова к научно-техническому прогрессу и государству.

Петров определял систему Гегеля как философию для школьников и студентов, как основанный на теоретическом отчуждении знаковый фетишизм (в виде Нравственного прогресса, Абсолютного духа, Колеса Истории, Логики). По мнению Петрова, Гегель постоянно толкает к стеллажу истории. Но его ссылки на вовремя приходящую истину

бессмысленны. Истина никогда не приходит вовремя, она всегда опаздывает, даже научное сообщество к ней не готово. Всеобщий разум у Гегеля превращается в воинствующего цензора и помеху новым истинам. У Гегеля разум посажен в «саморазвивающуюся клетку» тождества объективного и нравственного. Система Гегеля (структура связей целостности, отношения между началом и результатом) является теологической.

Петров считал, что проблему движения от незнания к знанию философия Нового времени получила в наследство от теологии. История духа — это процесс выявления мудрости божьей через познающую деятельность духовных, богоухновенных, осененных благодатью духа святого служителей церкви. Метафора «научного поступательного движения» используется также в науковедении, лингвистике, информатике, документалистике. Петров полагал, что эта метафора некритически заимствована у Гегеля и потому непродуктивна.

Преемственность можно понимать активно-телеологически¹ и пассивно-инерционно. Феномен «научного поступательного движения» у Гегеля может быть объяснен лишь в рамках пассивно-инерционной интерпретации преемственности. Феномен «научного поступательного движения» реализуется в научной политике государства, в которой наука выступает основным объектом административных, организационных и обеспечивающих усилий для стимулирования ее развития. В этом смысле *анализ любых вариантов практического воплощения гегельянства является предпосылкой критического отношения к государственной политике в области науки*.

Петров констатировал, что тексты Гегеля выполняют роль эзотерического языка философского сообщества [17]. Этот язык включает следующие недостатки: въедливость понятий, отbrasывание всех содержательных негаций, агрессивность; на гегелевском языке невозможно ставить и решать таймированные социальные проблемы; этот язык пренебрегает конечным, смертным, единичным существованием и его пространственно-временными определениями; способствует «развалу вселенной»; все направляет вниз, в абстрактную пустоту начала; содержит вселенскую лень, переносит ее на общество, логику и историю; превращает парадигмы естественных наук и наличные знаковые системы в абсолюты и фетиши; отождествляет философскую, теологическую и научно-дисциплинарную вечность, которая пылится на книжных полках.

На этом основании Петров определял современных ученых как *практикующих гегельянцев*, которые не любят говорить о глубине дисциплинарных вечностей, времени их начала и конца; веруют во всесилие научного метода; в модельно-математическом фанатизме сближаются с логико-субстанциальным фанатизмом Гегеля; видят в естественно-научных дисциплинах идеал научности и конечную цель познания; слепо копируют образцы глубоководной исследовательской техники на мелях социологии, лингвистики, психологии. Это вызывает гносеологические кризисы.

Петров полагал, что в центре современного кризиса находятся проблемы природы социальности и глубины дисциплинарной вечности социальных наук. Проблема природы социальности состоит в следующем.

¹ Когда предполагается, что данное состояние системы научного знания целиком определяет будущие состояния системы в соответствии с началом или имманентной целью. Тогда движение совершается к некоторому конечному состоянию системы.

Если социальные институты признаются божественными или естественными, то это ведет к отождествлению познавательных позиций в естественных и общественных науках. В этом случае человек освобождается от ответственности за состав, способ функционирования, свойства, изменения социальных институтов (по аналогии с законами природы и физиологии).

Если социальные институты не признаются естественными или божественными, то это требует активного вмешательства: «В этом случае человек ответственен за социальность ровно настолько, насколько к ней приложима такая вторая позиция активного вмешательства» [18, с. 395].

Живущее поколение выступает в нескольких ролях: уподобляется предшествующему поколению в процессах воспитания; выступает наследником созданный предшественниками «суммы обстоятельств»; критически оценивает наследство; ищет пути к его изменению в соответствии с собственными представлениями о должном; формирует будущее поколение по собственному образу и подобию. Такое развитие вскрывает дополнительные источники определения знаковых структур, прежде всего власть гносеологической проблематики, почти не затронутой исследованиями.

Проблема глубины дисциплинарной вечности в общественных науках возникает в контексте *противоречия* между наукой и политикой, научной и административной процедурами принятия решений. Глубина вечности вытекает из глубины предвидения в области социальных явлений. С этим связано линейное и нелинейное мышление. Для социальных наук не имеет силы концепт фундаментального знания. Если это не учитывается, социальные науки эманируют социальную инерцию. Для аргументации этого принципиального положения Петров детально описал специфику линейного и нелинейного мышления, три фазы настоящего (мертвая зона, зона социального творчества, зона конечных целей), а также различия познавательных установок представителей линейного и нелинейного мышления.

В статье «Гегель и современный кризис в гносеологии» Петров отмечал, что вечности могут существовать в виде сакрализованного пространства, времени, массы, стоимости, монотонность которых позволяет выкраивать из них универсальные системы единиц и соответствующие шкалы измерений. Общий смысл процедуры перевода нового в наличное всегда сводится к одному и тому же: новое опосредуется смыслом наличного, получает смысл и переходит в наличное, а наличное модифицируется.

Общий вывод Петрова однозначен: система Гегеля, а также естественно-научное восприятие социальной реальности блокируют любые революционные изменения; в рамках учения Гегеля и естественно-научного подхода к обществу проблема социальной ответственности выглядит белой вороной.

Итак, позиция Петрова в оценке Гегеля противоречила гегельянскому тренду в советской философии (от А.М. Деборина до Э.В. Ильинского и его последователей). Он сохранился до сих пор. Приведу пример.

С.Н. Корсаков пишет, что Деборин правильно понимал метод материалистической диалектики и точно квалифицировал взгляды «механистов» как позитивистские. Из этой посылки Корсаков выводит следствие: задачи соратников Деборина в 1920-е гг. и задачи анализа диалектики «Капитала» 1950–1960-х гг. в трудах А.А. Зиновьева, Э.В. Ильинского,

В.А. Вазюлина были аналогичны: «Исследования диалектики «Капитала» 1950–1960-х годов были наиболее ярким проявлением трудного возрождения творческой философской мысли и стали своеобразным советским вариантом неомарксизма. Во многом они были новаторскими по сравнению с западными аналогами. Но документы показывают, что ренессанс творческого диалектического марксизма мог состояться на отечественной почве значительно раньше. Соратники Деборина были людьми убежденными, теоретически подготовленными и талантливыми. Все это могло бы состояться, если бы процесс не был насильственно прерван, а философы физически уничтожены» [11, с. 107].

Но если согласиться с таким способом рассуждения, то возрождение творческого марксизма в СССР (за которое ратовали многие официальные советские философы) связано только с гегелевской традицией, против которой как раз резко выступал Петров. В этом смысле его концепция остается актуальной, поскольку и в современной России сторонники Гегеля и неомарксизма тоже есть [см., например: 15].

Одновременно способ рассуждения Корсакова показывает, что все советское гегельянское движение 1950–1960-х гг. было не творческим, а эпигонским (оно заимствовало идеи у советских философов 1920-х гг.). Это может быть также косвенным доказательством иного понимания марксизма, которое предлагал Петров, отвергая его гегелевскую интерпретацию.

Мысль о параллелях между ситуацией в советской философии в 1920-е гг. и движением возрождения диалектики 1950–1960-х гг. на основе нового прочтения «Капитала» Маркса постоянно встречается в литературе². Значит, оценка Гегеля Петровым остается актуальной для критики указанной интерпретации марксизма [см. об этом подробнее: 14].

Одновременно Корсаков приводит ценный эмпирический материал, позволяющий продвинуться в ином толковании гегелевской диалектики. Дело в том, что группа «диалектиков» под руководством Деборина в 1920-е гг. готовила для ЦК ВКП(б) обзоры о положении в философии в СССР. Эти бюрократические документы были инструментом философской борьбы. На проверенных марксистов возлагалась обязанность отслеживать «идеологические диверсии» в Советском Союзе. Но у Деборина и его соратников был свой интерес, связанный не только с борьбой против идеалистов, но и против тех, кто иначе, чем они, понимали марксизм: «В посылаемых в ЦК ВКП(б) обзорах философских дискуссий можно было представить своих философских противников-марксистов как ревизионистов, которые должны быть разгромлены не только идеально, но и организационно» [11, с. 112].

По форме обзоры были информацией, а по сути — попыткой использовать политические рычаги в борьбе с оппонентами. Все это привело к тому, что в советской философии «...форма сольется с сутью, и журнальную статью, докладную записку и донос в НКВД будет уже невозможно отличить друг от друга» [11, с. 113].

² Например, С.Н. Земляной считает историю марксизма в XX в. историей упущенных возможностей. Одной из таких упущенных возможностей (особенно для марксистской философии в СССР) является игнорирование достижений гегельянца Лукача в книге «История и классовое сознание». Земляной полагает, что в статьях Ильинкова «Идеальное» и «Превращенная форма» М.К. Мамардашвили в советской «Философской энциклопедии» воспроизведены точки зрения Лукача и Корша. Земляной понимает диалектику как теорию тотальностей, а также как развитие идей антропологизма и отчуждения в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркса [9].

Иначе говоря, руководство СССР и группа диалектиков Деборина стремились к полному идеологическому контролю за философской продукцией. Нельзя ли квалифицировать маргиналии Ильенкова на рукописи книги «Искусство и наука» Петрова как отдаленное следствие интериоризованного идеологического контроля, в котором автор маргиналий не отдавал себе отчета?

По крайней мере, гегельянское толкование марксизма далеко не индифферентно к стремлению запрячь философию в государственную телегу. Г.С. Батыгин и И.Ф. Девятко показали, что основным вопросом советской философии был вопрос о власти. Советская философия — это «интеллектуально-идеологический монстр» — «советское и nobытие Идеи», если перейти на гегелевский жаргон [5, с. 196]. Философское отделение всегда воспринималось в Академии наук СССР как политотдел, которого боялись специалисты. После войны в советской философии сложились «группы интересов». Среди московских обществоведов шла тихая, но безжалостная война за доступ к власти в философии. В мае 1944 г. история русской философии превратилась в идеологически опекаемую и политически ангажированную область науки. Это запустило те же механизмы размывания структуры и этоса академической науки, которые проявились в экономической, философской, биологической и исторической «дискуссиях». Молодые искатели карьеры в философии переместились в обеспеченную политической и идеологической поддержкой область исследований. К тому времени обычный (т. е. длительный) цикл академической социализации уже был разрушен. Вертикальная мобильность резко возросла. Такая ситуация сложилась в результате «выбывания» специалистов после систематических чисток и разоблачений» [5, с. 213].

Следует подчеркнуть, что Петров выбивается из общей тенденции послевоенной советской философии. Он никогда не стремился превратить философию в средство карьеры, а к идеологической опеке над философией и ее политической ангажированности относился отрицательно. Поэтому ему можно доверять при суждении об истории советской философии и ее влиянии на современную философскую ситуацию в России.

В советской философии под дискуссиями понимался обмен обвинениями, отражающий столкновение борющихся группировок. «Разумная действительность» СССР была представлена диаметром красных профессоров (вроде М.Б. Митина). После философского погрома 1930 г. и послевоенных дискуссий определился исход конфликта между советскими «умниками» и «идеологами» — в очередной раз победила глупость: «Умники» как будто существуют только для того, чтобы быть битыми. Может быть, в этом проявляется русская самобытность?..» [5, с. 231].

Вопрос актуален до сих пор. А.Н. Дмитриев подчеркивает, что в России на рубеже XX–XXI вв. возрос спрос на марксизм в пределах отечественного интеллектуального рынка [6, с. 492]. Поэтому Дмитриев разработал аппарат для анализа философской самобытности в ее советской форме. Центром внимания Дмитриева является круг интеллектуалов от Г. Лукача и К. Корша до создателей «критической теории», объединенных вокруг Франкфуртского института социальных исследований. Все они были последователями диалектики Гегеля.

В итоге анализа Дмитриев приходит к выводу: в XX в. не существовало ни единого («auténtичного») марксизма, ни его «превращений» и «перетолкований». Этот вывод он

подтверждает анализом мысли и деятельности выдающегося революционного гегельянца Лукача. Неомарксизм — это специфический личностный социокультурный феномен, в состав которого входят культурный радикализм «сумасшедшего гегельянца», который отрекся от художественной утонченности ради эстетического «спасения в миру»; трактовка революции как самого легитимного акта; сектантский ригоризм ортодокса, непримиримого борца с оппортунизмом ради чистоты новообретенной идеи [6, с. 111].

Итак, при оценке гегелевской диалектики следует поразмыслить над фактом: даже выдающиеся гегельянцы (типа Лукача) «примирились с действительностью» сталинского социализма в СССР. Характерное свойство гегельянцев — переплетение философского и критического анализа высочайшего типа с грубейшим преклонением перед меняющимися распоряжениями высшего уровня партийной бюрократии: «Лукач возвел на высочайший уровень теорию всемогущего ЦК» [6, с. 212]. Не менее важный факт — связь Лукача с советской разведкой [6, с. 452].

Земляной тоже считает Лукача гениальным марксистским теоретиком XX в., основоположником «неомарксизма». По его мнению, идеи Лукача стали опять актуальными. Россия не пережила бум популярности работы молодого Лукача «История и классовое сознание», характерный для развитых стран в 1960–1970-е гг. Поэтому Земляной предлагает рассматривать книгу Лукача в контексте современной ситуации в России, отталкиваясь от факта: в российском политическом пространстве отсутствует левое измерение. «Только потому, что Маркс последовал ложному примеру Гегеля, — пишет Земляной, — и исключил этическое измерение из своей концепции практики или, точнее говоря, «снял» этику в своем понимании практики, это имманентное противоречие марксизма не было замечено его интерпретаторами. Лукач в своих текстах предлагает захватывающей чередой несколько способов разрешения данного противоречия: посредством распространения на практику критериев этически безукоризненного поступка индивида; путем совмещения в философско-исторической перспективе политически правильной тактики и этически безупречной этики революционной деятельности; посредством выдвижения такой трактовки переходного периода от капитализма к социализму, которая предусматривает совмещение свободы с необходимостью в классовой морали класса-messии, спасителя человечества и превращение свободы в движущую силу развития ассоциированного человечества, то есть — «власть морали над институтами и экономикой, над государством и рынком» [9, с. 62].

Земляной считает, что в марксизме существует коренное противоречие между политикой и этикой. Для разрешения этого противоречия Земляной предлагает соединить марксизм с веберианством на основе идей Лукача. По его мнению, в состав «веберовского марксизма» входят определенные источники (прежде всего «История и классовое сознание» Лукача), а также позиции М. Вебера в области методологии, теории общества, теории истории, критики культуры. Генеральная идея Вебера о рационализации как основополагающей черты западной цивилизации связана с проблемой овеществления, которая определяет композицию «Истории и классового сознания».

Здесь следует напомнить, что мысль о противоречии между политикой и этикой в марксизме была высказана более сотни лет назад, но ни к каким особым теоретическим достижениям не привела. Одновременно надо учесть, что Петров резко критиковал любые варианты рационализации, рассматривая их как вырождение творчества.

Свое отношение к линии Гегеля — Маркса я изложил [13, с. 311–369] и не буду повторяться. Отмечу только, что все предметы спора и позиции в нем, по сути дела, остались неизменными в современной российской философско-исторической мысли. Замена монизма дуализмом, а формационной парадигмы — цивилизационными концепциями ничего не изменила [см.: 4; 8; 20]. Значит, концепция Петрова остается важным средством для обсуждения этого вопроса.

Еще раз напомню принципиальные выводы Петрова. Любые варианты гегельянства создают проблему фетишизма. Общественные науки возникают в контексте противоречия между наукой и политикой, научной и административной процедурами принятия решений. Анализ любых вариантов практического воплощения гегельянства является предпосылкой критического отношения к государственной политике в области науки.

Из лекций Петрова я навсегда запомнил его тезис: если вы опираетесь на факты, то факт должен быть, как глыба. Такой глыбой может служить факт: по линии Коминтерна диалектик Лукач выполнял роль «ловца душ», а не разведчика или агента. Этот факт можно рассматривать на фоне свежих констатаций. Например, бывший диссидент Г.О. Павловский в предисловии к книге Н.Н. Козловой пишет: «Советское попросту отделилось и освободилось от ностальгии по СССР. И вырисовывается сокровище советской цивилизации, которое предстоит оценить. Она здесь, ее чеканы и образцы уже не выскооблить из опыта будущего человечества... Советская проблема возобновляется как проект справедливого глобального руководства, основанного на знаниях. Советский Союз — общемировой клад социальных, государственных и экзистенциальных моделей... Всякая государственная система в России, какой бы та ни была, будет основана на советском фундаменте, и работать будет с вечной библиотекой советских национальных и культурных образцов» [10, с. 3–5]. Такой ход мысли известен давно: «лучший из миров» расположен в нашем хуторе; а то, что было вчера, лучше того, что есть сегодня. Поэтому СССР лучше России...

Почему же бывший диссидент, а затем кремлевский политолог написал предисловие к исследованию покойной Наташи Козловой? Как известно, диссиденты, а вслед за ними и большинство журналистов квалифицируют советских людей как *Homo soveticus*. Козлова с этой тенденцией не согласна. На основе анализа «Народного архива» (дневников простых советских людей) она описала ментальную карту типов советских людей.

В состав данной карты входят следующие фигуры.

Бессознательный нигилист после революции срывал иконы, потом поумнел — стал читать Библию.

Верноподданный офицер после войны читал лекции на тему «Роль т. Сталина в организации ремонта бочек на фронте».

Профсоюзный деятель с полностью атрофированной социальной памятью.

Председатель колхоза — ярый сталинист.

Осведомитель НКВД носил под мышкой «Диалектику природы» и «Капитал», чтобы производить впечатление на окружающих. Но текстов классиков марксизма так и не осилил. Под культурой понимал покупку костюма, мандолины и часов, чтобы «погулять с ними с форсом».

Тупоголовый партийный и профсоюзный работник, который жил и мыслил в языке советских плакатов.

Простая женщина, для которой письмо «наверх» и «Отче наш» выступали в одной функции: как взвывание к Богу.

Жертва режима (жена заключенного, затем художница) стала элементом советского истеблишмента, клепала портреты советского великого кормчего как «самый ходовой товар».

Бывшие люди (сложившиеся до 1917 г. деятели искусства — М.А. Булгаков, М. Горький, К.И. Чуковский, Л.Н. Сейфуллина, Б.А. Пильняк, П.Д. Корин, Д.Д. Шостакович, А.Н. Толстой и пр.) — славили советскую власть за деньги, дачу, квартиру. *Молодежь периода «застоя»* превратила труд в абстрактную категорию, а досуг — в главное пространство общения.

Дети советской номенклатуры — новые буржуа, писатели, художники.

Обратим внимание: советские «чеканы и образцы» состоят из малых и больших начальников, их бессловесных рабов и идеологической obsługi. В их состав входит осведомитель НКВД, который привлекает внимание людей книгами классиков марксизма. Иначе говоря, во внешней политике СССР диалектик Лукач выступал «ловцом душ», а во внутренней политике ту же роль выполняли книги классиков марксизма.

Теперь послушаем выводы Н.Н. Козловой. Самое главное, считает она, эти люди готовы были все простить государству в любой момент: «И этот момент прощения, восстановления попранной было чести (отмена раскулачивания, возвращение отобранных избирательных прав, получение паспорта, проскальзывание на рабфак и тем более в вуз) для многих, вероятно, был переломным моментом в жизни, после которого они, благодарные, начинали этому государству служить — конечно, с разной степенью истовости» [10, с. 486].

Итак, советская ментальная карта воплощает старую гегелевскую идею о тождестве государства и типов людей. Однако Гегель ограничивал это тождество формами политического мышления (политическое умонастроение, корпоративный дух, государственный разум), образующими предпосылку «разумного государства» [12, с. 58–68]. Поскольку советское государство распалось, вряд ли его можно считать «разумным». Но это не исключает готовность указанных типов советских людей все простить государству и стать его холуями.

Вдумаемся в этот вывод. Если человек незаслуженно нанес нам вред — мы используем необходимую оборону, и даже Уголовный кодекс на нашей стороне, не говоря о кровной мести. Если нас обидели государевы люди — мы обязаны лизать им руки и другие части тела, а не привлекать к ответственности. Парадокс в том, отмечает Козлова, что советский модерн — это аппарат надзора и монополия государства на средства насилия. Социальные технологии повседневного сопротивления ведут к службе государству. В постсоветской России происходит постоянная регенерация таких стратегий [10, с. 471–486].

Можно ли на основе этих фактов заключить, что диалектика может быть важным средством шпионской профессии внутри и вне страны, а также регенерации советских типов людей? Вопрос требует специального исследования.

А я пока отмечу: в отличие от Ильенкова, Петров отрицательно относился к системе Гегеля. Здесь он не был оригинален — во всех советских учебниках по философии

сообщалось, что система Гегеля есть объективный идеализм. Но Петров отвергал также диалектический метод Гегеля. Это противоречило оценкам Маркса и Энгельса. Поэтому возникает вопрос: можно ли использовать оценку Петрова как для критики Гегеля, так и всей гегелевской традиции, включая ее автохтонное, советское и постсоветское воплощение (имею в виду взгляды И.А. Ильина, А. Кожева и иных модных нынешних философов)?

Для ответа на этот вопрос требуется рассмотреть взгляды Петрова на фоне современной переоценки анархистской традиции в контексте всей советской истории и конечного поражения советской власти. Дело в том, что только на рубеже XX–XXI вв. осознаны глубина, масштабы, практическая и теоретическая потребность развития взглядов М.А. Бакунина. Это относится не только к России, но и ко всей мировой цивилизации. К настоящему времени разработаны хронологический, предметно-проблемный и национально-территориальный критерии систематизации его творчества и выделены соответствующие тематические блоки [21, с. 7–18]³. Суммирую только суждения наших современников об актуальности изучения Бакунина и бакунизма.

Главная задача сегодняшнего дня — переосмысление всех социальных и политических проблем ради освобождения от советского наследства. Для этого нужна последовательная десталинизация метода исследования политической мысли Бакунина. СССР был преемником самодержавия [7, с. 747–757]. Его идеологи отвергали важность поставленных Бакуниным проблем и методов их решения. На деле это способствовало искоренению из социальной памяти образа и идей Бакунина, их превращению в карикатуру. Правящая бюрократия осознавала их опасность для имперской государственной системы, сторонники которой в России до сих пор не перевелись. Нужна реконструкция того и другого.

В полемике двух выдающихся гегельянцев, мыслителей и революционеров Маркса и Бакунина возникли две гипотезы — утверждения и надежды на коренное изменение общества и государства. Обе гипотезы подтвердились лишь частично [24, с. 859–868]. Но если марксизм в виде государственной идеологии полностью исчерпал свой потенциал (это не относится к критическому марксизму, который сохранил свою ценность), то этого нельзя сказать об анархизме.

Русский анархизм возник на религиозной почве и связан с русским персонализмом. Оба направления религиозной и философско-политической мысли отвергают ориентацию РПЦ на смирение и сотрудничество с властью, отрицают верховную ценность государства, требуют критического отношения к государственности в целом, считают, что на пути формирования личной свободы в России всегда стояли и все еще стоят государственная власть и бюрократия [2, с. 758–765]. Отсюда вытекает историческая, социальная и политическая истинность бакунизма. Опыт развития России и мира показывает, что критическая составляющая бакунизма остается верной и актуальной. В настоящее время во всех странах исчерпан лимит доверия населения к институтам власти. Поэтому отношение к власти должно вдохновляться бакунинским принципом: дарованная свобода обычно

³ Они таковы: Бакунин в кругу современников, сторонников и противников; личность и идеи Бакунина через призму дореволюционных лет; Бакунин и бакунизм как предмет научного изучения в первые годы советской власти; зарубежные русские ученые о творческом наследии Бакунина; послевоенные исследования жизни и деятельности Бакунина; наши современники об актуальности изучения Бакунина и бакунизма [22, с. 7–18].

превращается в несвободу и рабство. Никакая диктатура не может иметь другой цели, кроме увековечения себя, она способна породить и воспитать в народе только рабство. Поэтому надо изучать альтернативные варианты социальных и политических преобразований — по сравнению с теми, которые реализовались в XX в. Среди них на первом месте стоит бакунинское отношение к государству.

История России в XX в. доказала утопичность взглядов марксистов на построение коммунизма путем усовершенствования пролетарского государства. Бакунинская критика свойств коммунистической организации истинна и справедлива: государство в любой его ипостаси как институт власти является насилием над личностью; оно может существовать само по себе, независимо от демократических преобразований в обществе. К СССР целиком применима характеристика Бакунина: «Это — не свободное общество и не действительно живое объединение свободных людей, а невыносимое принуждение насилием, сплоченное стадо животных, преследующих исключительно материальные цели и ничего не знающих о духовной стороне жизни и доставляемых ею высоких наслаждений» [21].

Марков концепт диктатуры пролетариата в его ленинско-сталинской версии стал фактом, но не привел к отмиранию государства, а лишь отложил его на неопределенный срок. Потому аргументация Бакунина против учения о диктатуре пролетариата исторически подтверждена. Согласно Бакунину, в государстве присутствуют значительные элементы искусственности, безнравственности, окаменелости, временности и т. д. Для характеристики государства он использовал не только логические конструкции, но и образы тюрьмы, раковой опухоли, отходов жизнедеятельности общественного организма, бездушного механизма, места совершения жертвоприношений. Каждая из этих метафор оправданна в применении к абсолютному большинству существующих государств. Все они стали большими или меньшими препятствиями на пути к свободе.

Полностью подтвердился прогноз Бакунина о перерождении диктатуры пролетариата во власть государственных чиновников, «начальников коммунистической партии»; они сконцентрируют бразды правления в сильной руке, потому что невежественный народ требует попечения; создадут единый государственный банк, сосредоточивающий в своих руках все торгово-промышленное, земледельческое и научное производство; всю массу народа разделят на промышленную и землепашескую армии, под командой государственных инженеров, которые составят новое научно-политическое сословие [23, с. 781–786].

Бакунин открыл противоречие между несправедливым содержанием социально-политической и духовной жизни общества и идеологической формой этой жизни, которая представляет жизнь с выгодных для властвующей элиты ракурсов. Уже в последние годы развитого социализма советские идеологи стали говорить о диалектике отмирания государства через его усиление. На деле это привело к увековечиванию присутствия, роста и влияния не только партийного аппарата, но и прежде всего силовых структур. В состав бакунинского антиэтатизма входит моральный пример и фиксация основного искусственного препятствия на пути добра и свободы — системы авторитарно-политической власти, в принципе исключающей все естественно-живое. Необходимо освободить общество от искусственных властно-бюрократических структур. Такая свобода составит стержень солидарного сотрудничества между свободными людьми, действующими на благо всех и каждого.

Устранение государственных структур — это своеобразная хирургическая операция применительно к обществу в целом, а не к конкретным людям. Общество должно компенсировать возможные потери, имея в виду перспективу добросовестного и справедливо оплачиваемого труда, включая труд управленческий [3, с. 787–797]. Антиэтатистские воззрения Бакунина, его аргументы против государственного социализма с авторитарно-бюрократическими методами управления, размышления об общественном самоуправлении до сих пор сохраняют свое значение и истинность. Государство до сих пор не исчезло. Целые миллионы людей служат ему верой и правдой. Поэтому политические и социальные идеи русского анархизма нужны современному обществу.

Спор федерализма с централизацией, антиэтатизма с этатизмом в России до сих пор адекватно не разрешен [1, с. 810–814]. Особенno актуальна для России идея Бакунина: управление посредством небольшого числа представителей, избранных народом, есть ложь, за которой скрывается деспотизм управляющего меньшинства, тем более опасная, что она представляется как выражение мнимой народной воли. Важная особенность анархистского мировоззрения состоит в отказе от навязывания трудящимся любой идеологии, а также методов борьбы и форм организации, которые не выдвинуты самими трудящимися [19, с. 828–842].

В нынешнем мире существует мнимый «выбор» между двумя видами зла: Государством и Капиталом. Выбор любого из них порождает цепи непредсказуемых событий, резюмированных в русской пословице «Мужик умен, да мир дурак». До каких пор продлится ее справедливость — пока неясно...

Литература

1. Абрамов М.А. Marx contra Бакунин // М.А. Бакунин: pro et contra, антология. 2-е изд., испр. / Сост., вступ. статья, comment. П.И. Талерова. СПб.: Издательство РХГА, 2015. С. 810–814.
2. Артемов В.М. М.А. Бакунин: к свободе через образование // Там же. С. 758–765.
3. Артемов В.М. Свобода и нравственность в философии М.А. Бакунина // Там же. С. 787–797.
4. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т. 1–3. М., 1992.
5. Батыгин Г.С., Девятко И.Ф. Трудные послевоенные годы // Наш философский дом. К 80-летию Института философии РАН / Ред. Гусейнов А.А. и др. М.: Прогресс-Традиция, 2009.
6. Дмитриев А.Н. Марксизм без пролетариата: Георг Лукач и ранняя Франкфуртская школа 1920–1930-е гг. СПб.: Изд. Европ. ун-та в Санкт-Петербурге; М.: Летний сад, 2004.
7. Должиков В.А. «Сибирский» фактор в эволюции политических воззрений М.А. Бакунина (1857–1861) // М.А. Бакунин: pro et contra, антология. 2-е изд., испр. / Сост., вступ. статья, comment. П.И. Талерова. СПб.: Издательство РХГА, 2015. С. 747–757.

8. Зверева Г. «Присвоение прошлого» в постсоветской историософии России: дискурсный анализ публикаций последних лет // Новое литературное обозрение. 2003. № 1/59.
9. Земляной С. История, сознание, диалектика. Философско-политическая мысль молодого Лукача в контекстах XXI века // Лукач Г. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. Пер. с нем. / Пер., предисл. С.Н. Земляного. М.: Логос-Альтера, 2003. С. 7–69.
10. Козлова Н.Н. Советские люди. Сцены из истории. М.: Изд-во «Европа», 2005. 544 с.
11. Корсаков С.Н. Становление Института философии и судьбы философов при сталинском режиме // Наш философский дом. К 80-летию Института философии РАН / Ред. Гусейнов А.А. и др. М.: Прогресс-Традиция, 2009.
12. Макаренко В.П. Анализ бюрократии классово-антагонистического общества в ранних работах Карла Маркса. Ростов-на-Дону: изд-во Ростовского университета, 1985.
13. Макаренко В.П. Аналитическая политическая философия: очерки политической концептологии. М.: Практис, 2002.
14. Макаренко В.П. Марксизм: идея и власть. Ростов-на-Дону: изд-во Ростовского университета, 1992.
15. Мареев С.Н. Из истории советской философии: Лукач-Выготский-Ильенков. М.: Культурная революция, 2008.
16. Петров М.К. Гегель и современный кризис в гносеологии // Петров М.К. Историко-философские исследования. М., РОССПЭН, 1996. С. 404–413.
17. Петров М.К. Диалектика Гегеля и феномен «научного поступательного движения» // Там же. С. 371–379.
18. Петров М.К. Логический фетишизм Гегеля и проблема социальной ответственности // Там же. С. 380–403.
19. Рублев Д.И. Идеи Михаила Бакунина и генезис идей синдикализма в России начала ХХ века // М.А. Бакунин: pro et contra, антология. 2-е изд., испр. / Сост., вступ. статья, comment. П.И. Талерова. СПб.: Изд-во РХГА, 2015. С. 828–842.
20. Следзевский И.В. Эвристические возможности и пределы цивилизационного подхода // Цивилизации. Вып. 4, М., 1997.
21. Талеров П.И. Бакунин и Интернационал: некоторые аспекты становления анархизма // М.А. Бакунин: pro et contra, антология. 2-е изд., испр. / Сост., вступ. статья, comment. П.И. Талерова. СПб.: Изд-во РХГА, 2015. С. 780.
22. Талеров П.И. Кем был Михаил Бакунин в истории нашей цивилизации? К историографии вопроса // Там же. С. 7–18
23. Твардовская В.А., Итенберг Б.С. Маркс, Бакунин и революционная Россия // Там же. С. 781–786.
24. Ударцев С.Ф. Михаил Бакунин: след в истории // Там же. С. 859–868.

References

1. Abramov M.A. Marx contra Bakunin // M.A. Bakunin: pro et contra. antologiya. 2-e izd.. ispr. / Sost., vступ. statia, komment. P.I. Talerova. SPb.: Izdatelstvo RKhGA. 2015. S. 810–814.
2. Artemov V.M. M.A. Bakunin: k svobode cherez obrazovaniye // Tam zhe. S. 758–765.
3. Artemov V.M. Svoboda i nравственность в философии М.А. Бакунина // Tam zhe. S. 787–797.
4. Akhiyezer A.S. Rossiya: kritika istoricheskogo opyta. T. 1–3. M., 1992.
5. Batygin G.S., Devyatko I.F. Trudnyye poslevoyennyye gody // Nash filosofskiy dom. K 80-letiyu Instituta filosofii RAN. Red. Guseynov A.A. i dr. M., Progress-Traditsiya. 2009. S. 196.
6. Dmitriyev A.N. Marksizm bez proletariata: Georg Lukach i rannyaya Frankfurtskaya shkola 1920–1930-e gg. SPb. Izd. Evrop. un-ta v Sankt-Peterburge; M., Letniy sad. 2004. S. 492.
7. Dolzhikov V.A. «Sibirskiy» faktor v evolyutsii politicheskikh vozzreniy M.A. Bakunina (1857–1861) // M.A. Bakunin: pro et contra. antologiya. 2-e izd., ispr. / Sost., vступ. statia, komment. P.I. Talerova. SPb.: Izdatelstvo RKhGA. 2015. S. 747–757.
8. Zvereva G. «Prisvoyeniye proshlogo» v postsovetskoy istoriosofii Rossii: diskursnyy analiz publikatsiy poslednikh let // Novoye literaturnoye obozreniye. 2003. № 1/59.
9. Zemlyanoy S. Istoriya, Soznaniye, dialektika. Filosofsko-politicheskaya mysl molodogo Lukacha v kontekstakh XXI veka // Lukach G. Istoriya i klassovoye soznaniye. Issledovaniya po marksistskoy dialektike. Per. s nem. / Perevod. predlozheniye S.N. Zemlyanogo. M., Logos-Altera. 2003. S.7–69.
10. Kozlova N.N. Sovetskiye lyudi. Stseny iz istorii. M., 2005. S. 3–5.
11. Korsakov S.N. Stanovleniye Instituta filosofii i sudby filosofov pri stalinskem rezhime // Nash filosofskiy dom. K 80-letiyu Instituta filosofii RAN. Red. Guseynov A.A. i dr. M., Progress-Traditsiya. 2009. S. 107
12. Makarenko V.P. Analiz byurokratii klassovo-antagonisticheskogo obshchestva v rannikh rabotakh Karla Marksа. Rostov-na-Donu, izd. Rostovskogo universiteta. 1985. S. 58–68.
13. Makarenko V.P. Analiticheskaya politicheskaya filosofiya: ocherki politicheskoy kontseptologii. M., Praksis. 2002. S. 311–369.
14. Makarenko V.P. Marksizm: ideya i vlast. Rostov-na-Donu, izd. Rostovskogo universiteta. 1992. S. 457–464.
15. Mareyev S.N. Iz istorii sovetskoy filosofii: Lukach-Vygotskiy-Ilyenkov. M.: Kulturnaya revolyutsiya. 2008.
16. Petrov M.K. Gегel i sovremennyj krizis v gnoseologii // Petrov M.K. Istoriko-filosofskiye issledovaniya. M., ROSSPEN. 1996. S. 404–413.
17. Petrov M.K. Dialektika Gegelya i fenomen «nauchnogo postupatelnogo dvizheniya» // Petrov M.K. Istoriko-filosofskiye issledovaniya. M., ROSSPEN. 1996. S. 371–379.
18. Petrov M.K. Logicheskiy fetishizm Gegelya i problema sotsialnoy otvetstvennosti // Tam zhe. S. 380–403.

19. Rublev D.I. Idei Mikhaila Bakunina i genezis idey sindikalizma v Rossii nachala XX veka // M.A. Bakunin: pro et contra, antologiya. 2-e izd., ispr. / Sost., vstup. Statia, komment. P.I. Talerova. SPb.: Izdatel'stvo RKhGA. 2015. S. 828–842.
20. Sledzevskiy I.V. Evristicheskiye vozmozhnosti i predely tsivilizatsionnogo podkhoda // Tsivilizatsii. Vyp. 4. M., 1997.
21. Talerov P.I. Bakunin i Internatsional: nekotoryye aspeky stanovleniya anarkhizma // M.A. Bakunin: pro et contra, antologiya. 2-e izd., ispr. / Sost., vstup. statia, komment. P.I. Talerova. SPb.: Izdatelstvo RKhGA. 2015. S. 780.
22. Talerov P.I. Kem byl Mikhail Bakunin v istorii nashey tsivilizatsii? K istoriografii voprosa / Tam zhe. S. 7–18.
23. Tvardovskaya V.A., Itenberg B.S. Marks. Bakunin i revolyutsionnaya Rossiya // Tam zhe. S. 781–786.
24. Udartsev S.F. Mikhail Bakunin: sled v istorii // Tam zhe. S. 859–868.

M.K. Petrov's attitude to Hegel's philosophy against the background of the reappraisal of Bakunism

Makarenko V.P.,
Doctor of Philosophy and Political Sciences, Professor,
Chief Researcher, Honored Scientist
of the Russian Federation Institute of Philosophy and Socio-Political Science
Southern Federal University
vpmakar1985@gmail.com

Annotation: Three articles by M.K. Petrov devoted to the analysis of Hegel's philosophy are considered. An outline of the problems is proposed against the background of a description of the latest trends in the assessment of M.A. Bakunin's life, personality and ideas. The facets of Bakunin's legacy become relevant at different times. During the era of "perestroika" in the USSR, his criticism of Marxism was particularly significant, and today his criticism of parliamentary democracy, liberal hypocrisy, and patriotic mythology. In Russia, during the 19th and 20th centuries, autocracy, state socialism and the liberal "utopia" were thoroughly discredited, which in fact turned into ruin, famine, poverty, robbery, the collapse of public relations, the transformation of the country into an international ecological dump, the cult of competition and consumption. So Bakunin's time has already come. This is also because the concept of anarchism has been developed within the framework of modern gift theory. This perspective creates new ground for evaluating M.K. Petrov's views.

Keywords: Mikhail Konstantinovich Petrov, attitude to the philosophy of Hegel, new trends in the interpretation of the life, ideas and activities of Mikhail Alexandrovich Bakunin